

И.П. Попова, И.Г. Смирнова

ЗАОЧНОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрены такие концептуальные проблемы заочного порядка постановления приговора, как терминологическое обеспечение и основания проведения судебного разбирательства заочно, возможность заочного судебного разбирательства при объявлении лица в розыск, а также специфика вручения приговора, вынесенного заочно, и проблемы его исполнения. Сформулированы выводы и сделан ряд предложений по совершенствованию правоприменительной практики и уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовный процесс; заочное судебное разбирательство; обвинительный приговор без назначения наказания; участие подсудимого.

В соответствии с международными стандартами отправления правосудия по уголовным делам каждый имеет право при рассмотрении любого предъявленного ему обвинения быть судимым в его присутствии (п. «с» ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Вместе с тем многие государства допускают возможность рассмотрения уголовного дела по существу в отсутствие подсудимого.

Так, Модельный УПК стран СНГ (ст. 353) предусматривает обязательное участие подсудимого. К исключительным случаям заочного производства Модельный УПК относит: 1) уклонение подсудимого от явки в суд; 2) наличие ходатайства подсудимого о рассмотрении дела в его отсутствие по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, если заочное разбирательство не воспрепятствует всестороннему, полному, объективному исследованию обстоятельств дела. При производстве у мировых судей предусматривается возможность при неявке подсудимого по уважительной причине рассмотреть дело в его отсутствие при условии, если: 1) подсудимый ходатайствует о заочном рассмотрении дела; 2) статья уголовного закона, предусматривающая уголовный проступок, указанный в повестке о вызове подсудимого, не предусматривает наказание в виде лишения свободы; 3) потерпевший, его представитель не приводят серьезных доводов, требуя участия подсудимого в судебном разбирательстве (ст. 449).

В свою очередь, УПК Азербайджана допускает судебное разбирательство в отсутствие подсудимого только в следующих исключительных случаях: 1) если обвиняемый, находящийся за пределами Азербайджанской Республики, умышленно уклоняется от явки в суд; 2) если лицо, обвиняемое в преступлении, не представляющем большой общественной опасности, заявило ходатайство о рассмотрении судом выдвинутого против него обвинения в его отсутствие, при условии, что это не будет препятствовать всестороннему, полному и объективному исследованию всех обстоятельств, связанных с уголовным преследованием. Если судебное разбирательство проводится в отсутствие обвиняемого, участие его защитника в судебном заседании обязательно (ст. 311).

Разбирательство уголовного дела в отсутствие обвиняемого согласно ст. 294 УПК Республики Бела-

русь может быть допущено лишь в случаях, когда: 1) лицо, обвиняемое в совершении преступления, не представляющего большой общественной опасности, или менее тяжкого преступления, признает свою вину и ходатайствует о разбирательстве дела в его отсутствие; 2) обвиняемый находится вне пределов Республики Беларусь и уклоняется от явки в судебное заседание.

Аналогичным образом, разбирательство дела в отсутствие подсудимого с учетом требований ст. 259 УПК Республики Кыргызстан допускается в случаях, если: 1) подсудимый находится вне пределов Кыргызской Республики и уклоняется от явки в суд; 2) подсудимый после повторного вызова не явится в судебное заседание и не уведомит суд о причине неявки. Примечательно, что поскольку явка подсудимого обязательна, то в случае отложения судебного разбирательства обязанность обеспечения явки подсудимого возлагается судом на орган, который расследовал уголовное дело (ч. 3 ст. 259 УПК Кыргызстана).

Главное судебное разбирательство (рассмотрение уголовного дела по существу судом первой инстанции) согласно УПК Республики Казахстан, происходит при обязательном участии подсудимого, за исключением случаев: 1) когда подсудимый, обвиняемый в совершении уголовного проступка либо преступления небольшой и средней тяжести, ходатайствует о рассмотрении дела в его отсутствие; 2) когда подсудимый находится вне пределов Республики Казахстан и уклоняется от явки в суд; 3) отказа подсудимого, содержащегося под стражей, явиться и присутствовать в судебном заседании (ст. 335).

Такую возможность предусматривает также законодательство ряда европейских стран, а также стран АТР (в частности, в Японии допускается проведение производства по уголовному делу в сокращенном порядке вообще без проведения судебного заседания). Вместе с тем, к примеру, некоторыми учеными в Мальте расширение незначительного перечня исключительных случаев рассмотрения уголовных дел в отсутствие подсудимого расценивается как посягательство на закрепленное в Конституции Республики Мальта и ЕСПЧ право на справедливое судебное разбирательство [1].

Взаимодействие государств в сфере уголовного преследования (например, по вопросам передачи уго-

ловного преследования, оказания правовой помощи, экстрадиции, передачи осужденного для отбывания наказания в государство его гражданства) представляется весьма затруднительным при наличии существенных различий в вопросах уголовно-процессуального регулирования разных вопросов. Именно поэтому крайне важно оценить особенности правового регулирования заочного судебного разбирательства и проблем его применения в Российской Федерации.

Итак, появление данного института в российском уголовном судопроизводстве следует признать обусловленным исторически, поскольку такая возможность была предусмотрена еще Псковской ссудной грамотой, когда потерпевшей стороне выдавалась «безсудная грамота» [2. С. 124–133] – по результатам рассмотрения дела в отсутствие ответчика, не явившегося на суд (в указанный период не имелось разделения на уголовные и гражданские дела).

Согласно дореволюционному законодательству, Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) была предусмотрена возможность постановления заочного приговора, изначально только при производстве у мировых судей (ст. 133–141 УУС). С 15 февраля 1888 г. возможность постановления заочного приговора была учтена и в окружных судах при рассмотрении уголовных дел, где в качестве наказания не предусматривалось лишение или ограничение прав (ст. 834.1–9 УУС). Рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого носило исключительный характер. Такой вид приговора было возможно постановить при рассмотрении уголовных дел по обвинению в совершении деяний, за которые было предусмотрено наказание не свыше ареста. Необходимым условием рассмотрения дела в заочном порядке была неявка подсудимого, своевременно и надлежаще извещенного о явке в суд, по неуважительной причине. При этом у подсудимого имелось право заявить о новом судебном разбирательстве в течение двух недель с момента получения копии заочного приговора (ст. 139 УУС). Ряд дореволюционных, впрочем, как и современных, процессуалистов возмозможность постановления заочного приговора расценивали как проявление нарушения принципа состязательности сторон [3. С. 16–17, 192].

УПК РСФСР 1960 г. также предусматривал возможность рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого в исключительных случаях, если это не препятствует установлению истины по делу: 1) когда подсудимый находился вне пределов СССР и уклонялся от явки в суд; 2) когда по делу о преступлении, за которое не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, подсудимый ходатайствовал о разбирательстве дела в его отсутствие. Суд, однако, был вправе признать явку подсудимого обязательной (ст. 246 УПК РСФСР).

С учетом требований ч. 1 ст. 123 Конституции РФ и ч. 1 ст. 247 УПК РФ участие обвиняемого в судебном заседании в суде первой инстанции является обязательным. Рассмотрение уголовного дела в отсутствие обвиняемого является исключительным и допускается лишь в случаях, предусмотренных федеральным законодательством.

В настоящее время действие заочного порядка судебного разбирательства и заочного постановления приговора неоднозначно воспринимается российским судебным сообществом (это подтверждается результатами социологического опроса 425 судей судов основного и среднего звена Российской Федерации, проведенного на территории семи субъектов Российской Федерации в 2014–2017 гг.). Конечно, большинство опрошенных респондентов (81%) считают допустимым в российском уголовном судопроизводстве постановление приговора заочно в результате судебного разбирательства в отсутствие подсудимого. Вместе с тем противники данного порядка отмечали следующие обстоятельства, которые, по их мнению, обуславливают скептическое отношение к заочному правосудию. Так, возражая против заочного производства, среди наиболее значимых причин недопустимости постановления приговора в заочном порядке были названы:

- возможность нарушения предусмотренных международными актами требований о праве при рассмотрении любого обвинения лично предстать перед судом;
- высокий риск незаконного осуждения;
- высокий риск вынесения приговора в отношении умершего;
- возможность нарушения права на защиту в результате заочного производства.

Так, в обзоре апелляционной и кассационной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за второе полугодие 2014 г. приводится в качестве примера уголовное дело, в котором нарушение заочного порядка рассмотрения уголовного дела повлекло отмену заочного приговора в отношении С., а уголовное дело было направлено на новое судебное разбирательство, поскольку на момент судебного разбирательства и постановления приговора местонахождение подсудимого было установлено, так как подсудимый содержался в следственном изоляторе.

Тем не менее, несмотря на наличие не только сторонников, но и противников заочного судебного разбирательства, законодатель допускает и регламентирует этот порядок, а ученые подчеркивают, что тот факт, что обвиняемый скрылся от органов предварительного расследования, исходя из личного интереса (например, интереса личной безопасности), сам по себе не означает, что он отказывается от возможности реализации своего процессуального интереса в опосредованном участии в судебном заседании, процессуального интереса выразить собственную позицию по делу. Что не исключает возможность предоставления обвиняемому ряда гарантий, которые позволят опосредованно защищать свои процессуальные интересы в рамках судебного заседания [4. С. 43–44, 46].

Заочное разбирательство в современном российском уголовном судопроизводстве, будучи одним из вариантов рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого, обладает определенной спецификой. УПК РФ предусматривает несколько случаев проведения судебного разбирательства в отсутствие подсудимого:

- рассмотрение уголовного дела ввиду постоянного отсутствия подсудимого (в связи с его смертью);

– рассмотрение уголовного дела ввиду временного отсутствия подсудимого (к примеру, подсудимый удален из зала суда в связи с нарушением порядка в судебном заседании);

– рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого в связи с определенными особенностями его личности (например, во время допроса несовершеннолетнего подсудимого, может быть удален его соучастник).

В данном исследовании речь пойдет о рассмотрении уголовных дел в порядке ч. 4 и 5 ст. 247 УПК РФ, а именно по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, если подсудимый находится за пределами Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд.

С учетом положений ч. 1 и 4 ст. 247 УПК РФ по ходатайству обвиняемого о рассмотрении дела в его отсутствие могут быть рассмотрены только уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести. При этом суд вправе признать участие обвиняемого обязательным и отказать в удовлетворении такого ходатайства. Равно, если суд признает, что имеются обстоятельства, препятствующие участию обвиняемого в судебном заседании, что может быть расценено как вынужденный отказ от права на личное участие в судебном заседании, то такое ходатайство подлежит отклонению. Таким образом, наличие ходатайства подсудимого о рассмотрении уголовного дела в его отсутствие не предопределяет принятие решения суда о заочном производстве. Диспозитивные возможности подсудимого, обвиняемого в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, о личном участии в судебном разбирательстве зависят от дискреционных полномочий суда, принимающего решение об удовлетворении или отклонении такого ходатайства.

Напротив, вне зависимости от волеизъявления обвиняемого, уклоняющегося от явки в суд, в его отсутствие могут быть рассмотрены уголовные дела о преступлениях, относящихся к категории тяжких и особо тяжких, в следующих исключительных случаях, предусмотренных ч. 5 ст. 247 УПК РФ: когда подсудимый находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд; и если это лицо не было привлечено к ответственности (момент привлечения лица к уголовной ответственности в данном случае определяется законодательством соответствующего иностранного государства) на территории иностранного государства по данному уголовному делу по материалам, направленным в компетентные органы иностранного государства, для осуществления уголовного преследования (ст. 458 УПК РФ).

Каким образом может быть доказан факт нахождения лица за пределами РФ? Полагаем необходимым дополнить нормы УПК РФ положениями об обязанности стороны обвинения в лице государственного обвинителя представить суду доказательства нахождения подсудимого за пределами РФ и (или) уклонения его от явки в суд и не привлечения подсудимого к ответственности поданному уголовному делу на территории иностранного государства, а также возложении на суд обязанности принятия исчерпывающих мер по

уведомлению подсудимого о месте и времени производства судебного разбирательства [5. С. 9]. Представляется, что с увеличением технических средств связи такое уведомление возможно не только путем опубликования данных сведений в средства массовой информации, но и средствах массовых коммуникаций, в том числе в сети Интернет.

В настоящее время не поставлена точка в дискуссии относительно возможности рассмотрения по правилам ч. 5 ст. 247 УПК РФ уголовных дел в случае, если подсудимый скрылся не только за пределами РФ, но и на территории РФ. К примеру, Е.А. Карякин предлагает ограничить возможность заочного разбирательства в отсутствие ходатайства подсудимого лишь случаями нахождения подсудимого за пределами РФ [6. С. 78]. Как показывают экспертные оценки судейского сообщества, на первом месте эффективность уголовного процесса ассоциируется в равной степени с восстановлением справедливости и с защитой прав и законных интересов участников процесса, что соответствует и ожиданиям общества. На втором месте судьи указывают наказание виновного, тогда как в обществе это место занимают вопросы возмещения причиненного преступлением вреда [7. С. 130]. Представляется, что расхождение в позиции относительно эффективности уголовного процесса профессионального сообщества и мнения общественности обусловлено, в том числе, обвинительным уклоном в правосознании судей. Подтверждением чему является и то, что справедливость приговора судьи связывают, в первую очередь, с назначением справедливого наказания и осуждением виновного, и лишь затем указывают на оправдание невиновного. Применительно к рассматриваемому вопросу общественные ожидания от уголовного судопроизводства были бы оправданы в случае законодательного урегулирования возможности заочного судебного разбирательства при объявлении лица не только в международный розыск, но и в федеральный розыск на территории РФ.

В силу действия принципов самостоятельности и независимости судебной власти решение о проведении заочного судебного разбирательства принимает суд. Первый вопрос, который при этом возникает: каковы основания для принятия такого решения? Бесспорно, самостоятельным основанием для назначения предварительного слушания является наличие ходатайства стороны о проведении судебного разбирательства в отсутствие подсудимого в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ.

Вместе с тем законодатель не регламентирует все случаи возможного рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого при соблюдении указанных в законе условий. В этой связи интересна позиция Пленума Верховного Суда РФ, выраженная в Постановлении «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» от 22 декабря 2009 г. № 28, в п. 13 которого, подчеркивая исключительность таких случаев. Верховный Суд РФ полагает, что к ним могут быть отнесены: особая общественная опасность преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый;

необходимость возмещения потерпевшему существенного вреда, причиненного преступлением; случаи, когда розыск обвиняемого не дал положительных результатов; невозможность осуществить экстрадицию обвиняемого.

Безусловно, указание всех случаев рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого лишит дискреционных полномочий суда в признании ситуации исключительной для возможного заочного производства. Именно так полагают 90% опрошенных судей, считающих, что законодатель не должен ограничивать все возможные случаи в ч. 5 ст. 247 УПК РФ конкретным перечнем исключительных ситуаций.

Вместе с тем судьями предлагается нормативно закрепить примерный перечень таких оснований, оставив его открытым для конкретных случаев. Вместе с тем думается, что безграничное расширение указанных пределов судебского усмотрения возможно нивелировать обязанностью суда мотивировать свое решение о рассмотрении уголовного дела в отсутствие подсудимого с предоставлением сторонам возможности его обжалования до вынесения итогового решения по делу. На наш взгляд, законодателю следует разграничить указанные в ч. 5 ст. 247 УПК РФ обстоятельства и указать обязательные условия их применения.

Следует отметить, что широкого распространения заочное производство в судебной практике не получило. Так, по сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, без участия подсудимого на основании ч. 4 ст. 247 УПК РФ судами России рассмотрено: в 2011 г. 0,39% дел от числа всех оконченных производством уголовных дел в отношении 3 993 лиц, в 2012 г. – 0,51% дел в отношении 4 914 лиц, 2013 г. – 0,46% дел в отношении 4 533 лиц, в 2014 г. – 0,45% дел в отношении 4 348 лиц, в 2015 г. данный показатель снизился вновь до уровня 2011 г. – до 0,39% дел в отношении 3 909 лиц; в 2016 г. рассмотрено в таком порядке 0,35% уголовных дел в отношении 3 528 лиц. На основании ч. 5 ст. 247 УПК РФ без участия подсудимого рассмотрено уголовных дел еще меньше: в 2011 г. 0,05% дел от числа всех оконченных производством в отношении 549 лиц, в 2012 г. – 0,06% дел в отношении 560 лиц, 2013 г. – 0,07% дел в отношении 690 лиц, в 2014 г. – 0,08% дел в отношении 762 лиц, а в 2015 г. данный показатель снизился вновь до уровня 2011 г. – до 0,05% в отношении 528 лиц; в 2016 г. рассмотрено 0,06% дел в отношении 646 лиц.

Среди проблем реализации заочного судебного разбирательства необходимо акцентировать внимание на соблюдение процессуальных прав обвиняемого. Зарубежные авторы рассматривают как смертельную комбинацию, наносящую непоправимый ущерб равноправию сторон, рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого без участия его защитника. Они верно подчеркивают, что сокращение правовой помощи и расходов на оплату услуг защитника, который представляет интересы отсутствующего подсудимого, не должно превалировать над интересами подсудимого, имеющего право быть услышанным судом [8].

Российское уголовно-процессуальное законодательство в этой связи предусматривает, что в отсут-

ствии подсудимого его интересы представляет защитник с учетом требований о состязательности и равноправии сторон, что является обязательным и в случаях, предусмотренных ч. 5 ст. 247 УПК РФ. При этом важным становится не только сам факт присутствия защитника в судебном заседании, но и его активное участие в судебном разбирательстве. Особую сложность могут представлять случаи назначения защитника, если таковой ранее не принимал участия в производстве по делу. Такому защитнику позиция обвиняемого известна лишь из материалов дела. Тогда как обвиняемый мог и не давать показания по существу предъявленного обвинения. Представляется, что высказанные защитником позиции по исследованным в судебном заседании вопросам могут различаться с обозначенной его подзащитным позицией в случае, если таковая улучшает положение обвиняемого. Иное означало бы нарушение права подсудимого на защиту.

Претерпевает ощутимые изменения и структура судебного производства по уголовным делам, рассматриваемым заочно. Так, в подготовительной части судебного заседания личность подсудимого устанавливается по материалам дела, которые должны быть собраны в полном объеме. Необходимые дополнительные сведения могут быть получены путем представления новых доказательств как защитником, к примеру, сведения о состоянии здоровья подсудимого, так и стороной обвинения, к примеру, сведения о привлечении подсудимого к уголовной ответственности к моменту рассмотрения уголовного дела. Представление новых доказательств, в том числе сведения о личности подсудимого, обусловлено, как правило, длительным приостановлением производства по делу до момента принятия решения о заочном производстве. Важным является выяснение времени вручения копии обвинительного заключения защитнику, в целях соблюдения права на защиту и надлежащую подготовку стороны защиты против предъявленного отсутствующему подсудимому обвинения (ч. 5 ст. 265 УПК РФ).

В судебном следствии не производится допрос подсудимого, но могут быть исследованы ранее данные обвиняемым показания, в случае соблюдения при допросе предусмотренных законом условий. В виду того, что в судебном разбирательстве отсутствует подсудимый, минует такой его этап, как последнее слово подсудимого, что может быть восполнено представлением обязательного слова для последней реплики защитнику. Однако в отсутствие подсудимого в случае формальной защиты со стороны защитника, назначенного по инициативе суда, или вступившего в судебное разбирательство в порядке замены, доказательства чаще всего исследуются путем оглашения письменных документов и показаний допрошенных в досудебном производстве свидетелей и потерпевших. Нередко встречаются судебные решения, полностью основанные на исследовании доказательств в таком порядке, что уголовно-процессуальным законом само по себе не запрещено. Объясняется это не только тем, что в отсутствие личного общения со своим подзащитным защитнику сложнее инициировать представление и исследование новых доказательств, но и тем,

что согласие стороны защиты на оглашение доказательств в таком порядке без непосредственного допроса свидетелей в отсутствие подсудимого выражается чаще в отсутствие подсудимого. В этой связи вполне обоснованными представляются опасения Т.В. Трубниковой, что в ряде случаев заочный порядок производства используется судьями не по причине невозможности участия подсудимого в судебном заседании, а именно с целью упрощения судебной процедуры [9. С. 131].

Еще один вопрос, возникающий в правоприменительной практике, это соотношение заочного и особого порядка судебного разбирательства. Полагаем справедливым, что уголовное дело не может быть рассмотрено в отсутствие подсудимого, если имеется ходатайство о его рассмотрении в особом порядке, поскольку рассмотрение уголовных дел в особых производствах (по правилам гл. 32, 40, 40.1 УПК РФ) возможны только с личным участием подсудимого.

Более того, поскольку рассмотрение дела с участием присяжных заседателей, а равно уголовные дела в отношении несовершеннолетних связаны с предоставлением, законодательным закреплением дополнительных процессуальных порядков и процессуальных гарантий, концепция их реализации вступает в противоречие с концепцией заочного судебного разбирательства, которое, как было отмечено ранее, неразрывно связано с упрощением процессуальных форм. В этой связи представляется необходимым закрепить нормы о запрете рассмотрения уголовного дела в заочном формате в отношении несовершеннолетнего подсудимого, а также судом присяжных.

Порядок постановления заочного приговора не содержит существенных отличий от приговора, постановляемого в общем порядке, с участием подсудимого. Во вводной части приговора следует указать, что уголовное дело рассмотрено в заочном производстве, а данные о личности подсудимого установлены по материалам дела. Представляется, что по итогам судебного разбирательства может быть постановлен любой вид приговора из числа, предусмотренных ч. 5 ст. 302 УПК РФ.

Наиболее соответствующим интересам подсудимого, на наш взгляд, помимо оправдательного приговора, может быть обвинительный приговор без назначения наказания, в котором устанавливается вина подсудимого и принимается судом решение о не назначении наказания. Основанием для постановления такого приговора является, в первую очередь, позитивное посткриминальное поведение подсудимого. По своим правовым и социальным последствиям обвинительный приговор без назначения наказания (п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ) существенно отличается от иных видов обвинительного приговора. В частности, подсудимый, в отношении которого постановлен такой обвинительный приговор, является осужденным (ч. 2 ст. 47 УПК РФ), но судимость такое осуждение не образует в силу положений ст. 86 УК РФ.

Основания для постановления данного судебного решения как вида уголовной ответственности, на наш взгляд, обусловлены определенными свойствами личности и (или) определенными особенностями содеян-

ного либо совокупностью указанных обстоятельств. Эти основания свидетельствуют о том, что цели уголовного наказания могут быть достигнуты в данном случае без назначения наказания, так как те цели, что определяют необходимость назначения наказания, уже достигнуты к моменту постановления данного вида приговора.

К примеру, при совершении неосторожного преступления, в результате которого наступили непоправимые последствия в виде смерти близкого лица, виновное лицо подвергается осуждению, его действиям дается отрицательная оценка, но поскольку цели наказания уже достигнуты в ходе уголовного судопроизводства в результате посткриминального поведения (в частности, в виде страданий самого подсудимого), то обстоятельства, характеризующие личность подсудимого в целом, и обстоятельства содеянного убеждают суд в избыточности самой меры государственного принуждения в виде наказания.

Так, обвинительный приговор без назначения наказания был постановлен Салехардским городским судом Ямало-Ненецкого автономного округа в отношении Ф., которая в ночное время, находясь после родов двойни в палате перинатального центра, положила новорожденного ребенка рядом с собой в кровать и уснула. В процессе сна подсудимая своим телом перекрыла дыхательные пути новорожденного, который в силу возраста и беспомощного состояния не имел возможности высвободиться и умер от механической асфиксии. Суд пришел к выводу, что вследствие изменившейся обстановки Ф. перестала быть общественно опасной, в указанной ситуации цели восстановления социальной справедливости и исправления виновной вполне могут быть достигнуты без применения реальных мер уголовной ответственности. На основании ст. 80.1 УК РФ в порядке, закрепленном п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ, суд признал Ф. виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ, и освободил подсудимую от наказания на основании ст. 80.1 УК РФ в связи с изменением обстановки.

Ряд зарубежных исследователей отмечают, что в настоящее время возрастает число данных, свидетельствующих о большом разнообразии последствий уголовного наказания, которые различно влияют на превенцию преступлений в зависимости от типа правонарушителей, преступлений и социальных установок. При этом в зарубежной литературе отмечается, что законная и справедливая процедура судопроизводства, уважение со стороны полиции и суда в ходе осуществления уголовного правосудия оказывают большее влияние на предупреждение новых преступлений, нежели назначенное судом наказание [10. Р. 445]. Вместе с тем несправедливое наказание, процессуальная несправедливость благоприятствуют совершению новых преступлений [11. Р. 27].

К примеру, К. Спон обращает внимание на то, что фактически, принимая решение о наказании, его виде и размере, судьи опираются не только на процессуальные нормы, но и на свои убеждения и ценности, сформировавшиеся в зависимости от предыдущего опыта работы, места их жительства и криминогенной

ситуации в этом районе, пола, расы и т.д. Тогда как в понимании граждан приговор, как результат работы всей системы уголовного правосудия, должен быть законным, обоснованным и справедливым. Спон отмечает, что между тем реформы законодательства, направленные на порядок постановления приговора в США, тем не менее, не привели к снижению уровня преступности [12. Р. ix–xii, 127–168].

Среди всех требований, которые закон предъявляет к приговору, менее всего УПК РФ раскрывает такое, как справедливость [13]. Между тем именно справедливость приговора, постановленного по итогам заочного производства, чаще всего становится предметом проверки состоявшегося решения вышестоящими судами. Вопросы обжалования заочно постановленного приговора являются весьма актуальными в настоящий момент. Прежде всего, интересен тот факт, что 21% опрошенных судей считают излишним обязательность разъяснения последствий и порядка обжалования заочного приговора, а это закономерно влечет и сложности с последующим его фактическим обжалованием.

Различный порядок обжалования приговоров, постановленных в отсутствие подсудимого, в более сложной форме в случаях, предусмотренных ч. 5 ст. 247 УПК РФ, как верно подчеркивает Т.Г. Бородинова, излишне обеспечивает гарантии подсудимых, добровольно отказавшихся от права на личное присутствие в судебном разбирательстве [14. С. 82].

Дискуссионным является вопрос и о возможности отмены заочного приговора на основании ч. 7 ст. 247 УПК РФ самим судом, постановившим приговор (в качестве механизма процессуального самоконтроля). Представляется, что такая процедура позволит сэкономить время на подготовку и направление уголовного дела в вышестоящий суд для безусловной отмены заочного приговора и позволит в кратчайшие сроки приступить к его рассмотрению вновь уже с участием подсудимого. В этой связи стоит согласиться с мнением о том, что обеспечение права подсудимого на рассмотрение уголовного дела тем судом и тем судьей, к подсудности которого оно отнесено, не может подменять возможность принятия нового решения судом апелляционной инстанции, и в случае обоснованного рассмотрения в отсутствие подсудимого, такое уголовное дело подлежит направлению в суд первой инстанции для рассмотрения по существу [15. С. 152].

Обращает на себя внимание, что за несколько лет действия нового порядка обжалования и пересмотра судебных решений законодатель так и не внес изменения в норму ч. 7 ст. 247 УПК РФ, до сих пор предусматривающую, по сути, только надзорный порядок рассмотрения ходатайства осужденного или его защитника в случае устранения обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ (минуя апелляционный и кассационный порядки).

Норма гл. 48 УПК РФ, на которую ссылается в действующей редакции уголовно-процессуального закона законодатель, прекратила свое действие с 1 января 2013 г. Представляется, что редакцию ч. 7 ст. 247 УПК РФ следует изменить, указав в ней на отмену заочного приговора по ходатайству осужден-

ного или его защитника в кассационном порядке, предусмотренном гл. 47.1 УПК РФ. Думается, не лишним будет и подчеркнуть согласие осужденного в случае подачи такого ходатайства защитником, так как в вопросе обжалования заочного приговора их позиции могут различаться.

Представляется, что отсутствие сроков обращения с таким ходатайством с момента, когда осужденному вручено судебное решение, ставит в неравное положение потерпевшего и делает неопределенным порядок исполнения заочного приговора. Тем самым, фактически, утрачиваются ценность и значение приговора как итогового судебного решения, так как приговор подлежит безусловной отмене в любое время лишь по ходатайству осужденного или его защитника. Стороне защиты не требуется приводить каких-либо мотивов несогласия с вынесенным решением суда в результате заочного производства. Получается, неправомерное поведение участника процесса со стороны защиты и фактически злоупотребление им своим правом приводят к нарушению прав другой стороны и увеличению разумных сроков судопроизводства.

Аналогичным образом УПК Албании предусматривает правило о праве осужденного ходатайствовать о восстановлении срока обжалования, если он докажет, что не знал о вынесенном решении (Article 147 «Renewal of time limits»). Но при этом, если решение было достигнуто в отсутствие, обвиняемый может просить восстановления периода времени, чтобы сделать обращение, когда он демонстрирует, что не знал о решении.

В ходе нового судебного разбирательства в ином составе суда все доказательства должны быть исследованы вновь в полном объеме, с участием потерпевших, вовлеченных в повторное судебное разбирательство вне своего желания. Думается, что законодателю необходимо более подробно регламентировать как порядок заочного производства, так и процедуру обжалования состоявшего в отсутствие подсудимого решения.

Неразрывно с вопросом обжалования заочного приговора связана проблема необходимости поиска ответа на вопрос о недопустимости поворота к худшему в суде вышестоящей инстанции. Иными словами, вопрос о возможности ухудшения положения осужденного новым приговором на законодательном уровне пока не решен. В отсутствие законодательной регламентации практика идет путем соблюдения запрета на поворот к худшему, так как при отмене заочного приговора о несправедливости назначенного наказания не высказывались вышестоящие инстанции.

Не меньшая проблема, возникающая в правоприменительной практике, – это преюдициальное значение приговора, вступившего в законную силу, если он был постановлен заочно. В этой связи И.С. Дикарев справедливо полагает, что приговоры, постановленные по результатам судебного разбирательства, проведенного в порядке ч. 5 ст. 247 УПК РФ, не должны иметь преюдициального значения. Мотивируя свою позицию, автор подчеркивает, что отсутствие у подсудимого возможности защищаться, довести до све-

дения суда свою позицию препятствует всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела, в результате чего вопрос об истинности достигнутого судом знания остается открытым [16. С. 53]. Аналогичную позицию разделяет и Б.Р. Бурганов [17. С. 132].

В свою очередь Р.В. Шакитко и С.В. Фидельский приходят к аналогичному выводу: приговоры, постановленные в отсутствие подсудимого в случаях, предусмотренных ч. 5 ст. 247 УПК РФ, не должны приобретать свойства преюдициальности в силу экстраординарности характера процедуры заочного производства и нестабильности вступившего в законную силу заочного приговора. Однако, по их мнению, обстоятельства, установленные заочным приговором, вступившим в законную силу, обладают свойством преюдициальности, поскольку соблюден общий порядок их исследования и формирования выводов [18. С. 168–170].

В этой связи возникает вопрос о том, является ли вообще возможность рассмотрения уголовного дела в порядке заочного судопроизводства соответствующей процессуальным интересам подсудимого? Как обоснованно полагают И.В. Смолькова и Р.В. Мазюк, интересы личности и государства, личности и общества не всегда совпадают. По их мнению, нельзя отдавать приоритет в этой области интересам государства или общества [19. С. 159]. Представляется, что если рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого инициировано им самим, то таким образом оно не проти-

воречит его интересам. Также оно соответствует интересам потерпевшего, общества и государства в целом по своевременному разрешению уголовно-правового конфликта и судебной защите нарушенных прав.

В случае же, когда рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого происходит не по ходатайству подсудимого, представляется, что наличие определенных процессуальных гарантий должно обеспечивать максимальное соответствие процедуры уголовного судопроизводства интересам подсудимого. Во всяком случае, право на обжалование заочного приговора лишь по одной инициативе стороны защиты и повторное рассмотрение уголовного дела в общем порядке корреспондируют праву суда на заочное судебное разбирательство и служат основной, но не единственной гарантией механизма реализации процессуальных интересов подсудимого [20. С. 76–82].

Таким образом, институт заочного производства нуждается в дальнейшем изучении и совершенствовании – в целях соблюдения разумных сроков судопроизводства и обеспечения принципа процессуальной экономии. Отказ подсудимого от права на личное участие в рассмотрении уголовного дела по существу не должен противоречить ни одному важному общественному интересу и должен сопровождаться обеспеченным минимумом гарантий, соответствующих его значению [21. С. 198], а к самому заочному судебному разбирательству надо подходить с особой осторожностью, расценивая такое производство как нежелательное, но допустимое [22. С. 896].

ЛИТЕРАТУРА

1. Meli M. Trials in absentia: erosion of the rights of accused?: a comparative study. URL: <https://www.um.edu/mt/library/oar/handle/123456789/17510>.
2. Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб. : Типография Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1843. 151 с.
3. Духовской М.В. Из лекций по уголовному процессу. М. : Типография Общества распространения полезных книг, 1895. 218 с.
4. Мазюк Р.В., Задорожный В.Д. Защита процессуальных интересов обвиняемого при заочном порядке избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Академический юридический журнал. 2016. № 2 (64). С. 40–48.
5. Трофимова Е.В. Заочное судебное разбирательство уголовных дел: нормативное регулирование и практика применения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. 23 с.
6. Карякин Е.А. Проблематика заочного судебного производства по уголовному делу // Уголовный процесс. 2015. № 6. С. 75–79.
7. Смирнова И.Г. Социальная ценность уголовного судопроизводства. М. : Юрлитинформ, 2011. 352 с.
8. Willey P. Trials in absentia and the cuts to criminal legal aid // Journal of Criminal Law. 2014. Vol 78, Issue 6. P. 486–510.
9. Трубникова Т.В. Рассмотрение дела в отсутствие подсудимого (заочное производство) в системе упрощенных судебных уголовно-процессуальных производств // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 315. С. 127–133.
10. Lawrence W. Sherman. Defiance, Deterrence, and Irrelevance: a Theory of Criminal Sanction // Journal of Research in Crime and Delinquency. 1993. Vol 30, Issue 4. P. 445–473.
11. Kyle Mclean, Scott E. Wolfe. A Sense of Injustice Loosens the Moral Bind of Law // Criminal Justice and Behavior. 2016. Vol 43, Issue 1. P. 27–44.
12. Spohn C. How do judges decide? The search for fairness and justice in punishment. Second edition. Sage Publications, Inc. 2009. 376 p. URL: <https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/how-do-judges-decide/book232267#Spohn, Cassia. How do judges decide?>
13. Попова И.П. Справедливое правосудие // Уголовное судопроизводство. 2016. № 2. С. 7–13.
14. Бородинова Т.Г. Пересмотр приговоров, вынесенных в отсутствие подсудимого // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 4. С. 80–82.
15. Андреева О.И., Желева О.В., Рукавишникова А.А., Трубникова Т.В. Право на возвращение уголовного дела судом апелляционной инстанции в суд первой инстанции: возможность злоупотребления полномочиями // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 3. С. 554–567.
16. Дикарев И.С. Преюдициальность судебных решений в уголовном процессе // Законность. 2014. № 10. С. 51–53.
17. Бурганов Б.Р. Институт преюдиции в современном российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016. 191 с.
18. Шакитко Р.В., Фидельский С.В. Преюдиция в уголовно-процессуальном праве : нормативное закрепление и порядок и реализации. Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2014. 206 с.
19. Смолькова И.В., Мазюк Р.В. Законные, незаконные и процессуальные интересы обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10, № 1. С. 156–169.
20. Мазюк Р.В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминологические чтения. 2017. № 4. С. 76–84.
21. Трубникова Т.В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции европейского суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 296 с.
22. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. 1278 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 2 марта 2018 г.

TRIAL BY CORRESPONDENCE IN CRIMINAL CASES: IMPLEMENTATION PROBLEMS IN THE CONTEXT OF COMPARATIVE LEGAL RESEARCH

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 195–202.

DOI: 10.17223/15617793/431/27

Irina P. Popova, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: irinabaikal@mail.ru

Irina G. Smirnova, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: smirnova-ig@mail.ru

Keywords: criminal trial; trial in absentia; conviction without sentencing; participation of defendant.

The study aims to analyze the peculiarities of the criminal procedural regulation of trial in absentia in foreign states, to identify the most significant problems of making judgments in absentia under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and to suggest ways to solve them in order to optimize the law enforcement judicial practice. To achieve the aim, the analysis of investigative jurisprudence was carried out, data of judicial statistics were collected and analyzed, a questionnaire to study opinions of 425 judges from seven regions of the Russian Federation was developed (the survey was conducted in 2014–2016). The research is based on the dialectic method of scientific knowledge of objective reality. When writing the article, general and private scientific methods of research were used: system, historical, statistical, axiomatic, comparative and legal ones, methods of expert assessment, questioning, etc. In the course of research, the authors considered the following conceptual problems of making judgments in absentia: terminological support, grounds for conducting trial in absentia, the implementation of the rule of no reformatio in pejus in this type of trial, the possibility of trial in absentia when the person is not only on the international but also on the federal wanted list, the particularities of the court investigation conducted in the absence of the defendant, the procedural value of the judgment in absentia, the specifics of the judgment, the delivery of the judgment in absentia and the problems of its appeal and execution. The authors generalized the received results and came to the following conclusions: the existence of the institution of trial in absentia in criminal cases is historically conditioned, and the consideration of a criminal case in absentia initiated by the defendant not only complies with their legitimate interests, but also in general corresponds to the interests of the victim, society and the state on the timely and proper judicial protection of violated rights. Meanwhile, the consideration of a criminal case in absentia outside the initiative of the defendant must be accompanied by appropriate mechanisms for guaranteeing the exercise of the legitimate rights and interests of the defendant.

REFERENCES

1. Meli, M. (2016) *Trials in absentia: erosion of the rights of accused?: a comparative study*. [Online] Available from: <https://www.um.edu.mt/library/oar/handle/123456789/17510>.
2. Kunitsyn, A. (1843) *Istoricheskoe izobrazhenie drevnego sudoproizvodstva v Rossii* [Historical depiction of ancient legal proceedings in Russia]. St. Petersburg: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
3. Dukhovskoy, M.V. (1895) *Iz lektsiy po ugovolnomu protsessu* [From lectures on the criminal procedure]. Moscow: Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig.
4. Mazyuk, R.V. & Zadorozhnyy, V.D. (2016) Zashchita protsessual'nykh interesov obvinyаемого pri zaochnom poryadke izbraniya mery preseceniya v vide zaklyucheniya pod strazhu [Protection of procedural interests of the accused in absentia in order to select a preventive measure in the form of imprisonment]. *Akademicheskyy yuridicheskyy zhurnal – Academic law journal*. 2 (64). pp. 40–48.
5. Trofimova, E.V. (2009) *Zaochnoe sudebnoe razbiratel'stvo ugovolnykh del: normativnoe regulirovaniye i praktika primeneniya* [Trial in absentia in criminal cases: normative regulation and practice of application]. Abstract of Law Cand. Diss. Voronezh.
6. Karyakin, E.A. (2015) Problematika zaochnogo sudebnogo proizvodstva po ugovolnomu delu [The problem of trial in absentia in the criminal case]. *Ugovolnyy protsess*. 6. pp. 75–79.
7. Smirnova, I.G. (2011) *Sotsial'naya tsennost' ugovolnogo sudoproizvodstva* [The social value of criminal proceedings]. Moscow: YurLitinform.
8. Wiley, P. (2014) Trials in absentia and the cuts to criminal legal aid. *Journal of Criminal Law*. 78:6. pp. 486–510. DOI: 10.1177/0022018314557412
9. Trubnikova, T.V. (2008) Rassmotreniye dela v otsutstviye podsudimogo (zaochnoe proizvodstvo) v sisteme uproshchennykh sudebnykh ugovolno-protsessual'nykh proizvodstv [Examination of the case in the absence of the defendant (proceedings in absentia) in the system of simplified criminal proceedings]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 315. pp. 127–133. (In Russian).
10. Sherman, L.W. (1993) Defiance, Deterrence, and irrelevance: a Theory of Criminal Sanction. *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 30:4. pp. 445–473.
11. McLean, K. & Wolfe, S.E. (2016) A Sense of Injustice Loosens the Moral Bind of Law. *Criminal Justice and Behavior*. 43:1. pp. 27–44. DOI: 10.1177/0093854815609655
12. Spohn, C. (2009) *How do judges decide? The search for fairness and justice in punishment*. Second edition. Sage Publications, Inc. [Online] Available from: <https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/how-do-judges-decide/book232267#>.
13. Popova, I.P. (2016) Spravedlivoye pravosudie [Fair Justice]. *Ugovolnoye sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 2. pp. 7–13.
14. Borodinova, T.G. (2016) The review of court judgments passed in the absence of a defendant. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: politics, economics, law*. 4. pp. 80–82. (In Russian).
15. Andreeva, O.I. et al. (2016) The court of appeal's right to return a criminal case to the first-instance court: a possibility of power abuse. *Vserossiyskiy kriminologicheskyy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 10:3. pp. 554–567. (In Russian).
16. Dikarev, I.S. (2014) Preyuditsial'nost' sudebnykh resheniy v ugovolnom protsesse [The prejudiciality of judicial decisions in the criminal procedure]. *Zakonnost'*. 10. pp. 51–53.
17. Burganov, B.R. (2016) *Institut preyuditsii v sovremennom rossiyskom ugovolnom protsesse* [The institution of prejudice in the modern Russian criminal trial]. Law Cand. Diss. Kazan.
18. Shakit'ko, R.V. & Fidel'skiy, S.V. (2014) *Preyuditsiya v ugovolno-protsessual'nom prave: normativnoye zakreplenie i poryadok i realizatsii* [Prejudice in the criminal procedure law: normative consolidation and implementation]. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
19. Smol'kova, I.V. & Mazyuk, R.V. (2016) Legal, illegal and procedural interests of the accused person in Russian criminal procedure. *Kriminologicheskyy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 10:1. pp. 156–169. (In Russian).
20. Mazyuk, R.V. (2017) Procedural Interests of Criminal Proceedings Participants. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya – Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings*. 4. pp. 76–84. (In Russian).
21. Trubnikova, T.V. (2011) *Pravo na spravedlivoye sudebnoye razbiratel'stvo: pravovyye pozitsii evropeyskogo suda po pravam cheloveka i ikh realizatsiya v ugovolnom protsesse Rossiyskoy Federatsii* [The right to a fair trial: the legal position of the European Court of Human Rights and their implementation in the criminal procedure of the Russian Federation]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Golovko, L.V. (ed.) (2016) *Kurs ugovolnogo protsesssa* [The course of the criminal procedure]. Moscow: Statut.

Received: 02 March 2018